

Эней къ добру зѣ натуры склонный,

Сказавъ посламъ Латынськимъ такъ:

«Латынусъ рексѣ есть невгомонный,

«А Турнусъ пессимусъ дуракъ.

«И кваре воювать вамъ мекумъ?

«Латынуса быть нутѣ цекумъ,

«А васъ, сеньоресъ, безъ ума;

«Латынусу радъ пацемъ даре,

«Пермитто мертвыхъ поховаре,

«И злосты корамъ васъ нема.

«Одынъ есть Турнусъ ворогъ меусъ,

«Самъ ерго дебетъ воювать;

«Велятъ такъ фата, утѣ Энеусъ

«Вамъ буде Рексѣ, Аматѣ зять.

«Щобъ привести адъ финемъ беллюмъ,

«Мы зробымъ съ Турнусомъ дуеллюмъ,

«Про що всихъ сангеисъ прольвать?

«Чи Турнусъ буде, чи Энеусъ,

«Укажетъ глядіусъ, вель Деусъ

«Латынськимъ сцеттро управлять.

Латынськіє послы сзыркнулись,
По серцю имъ ся ричъ була;
Знечевья трохы схаменулись,
Дрансеса смилость тутъ взяла:
«О князю, крыкнувъ, пресловутый!
«Велькымъ ты родився буты!
«Мы все въ Латиновы уста
«Внесемъ, дрибнесенько розкажемъ
«И щиро, щиро те докажемъ,
«Що зъ Турномъ дружба есть пуста.»

И мировую тутъ зробылы
На тыждень, два, або и тры,
И въ договори положиылы,
Щобъ тесли и други майстры
Латынськи, помоглы Троянамъ,
Сымъ ланцямъ, голякамъ, прочанамъ
Достроить новый городокъ;
Щобъ нарубать далы сосныны,
Клынкивъ, дубкивъ и берестыны,
На кроквы годныхъ осычокъ.

За сымъ тутъ началось гуляння
И чарочка пишла кругомъ;
Росказы, смихы, обнимання,
Дилылысь дружно тютюномъ.
Яки пылы, яки трудылысь
И надъ убытымы возылысь;
Въ лисахъ же страшна стукотня.
Въ коротке мировее время
Латынське и Троянське племя
Було, якъ блызкая ридня.

Теперь бы треба описаты
Эвандра батькивську печаль
И хлыпання все розказаты,
И крыкъ, и охання, и жаль.
Та-ба! не всякій такъ змудруе,
Якъ самъ Выргыйй намалое,
А я жъ до жалу не мастакъ:
Я слизь и охання боюся
И самъ виколы не журюся;
Нехай собі се пиде такъ.

Якъ тилько свитова зирныця
На неби зачала моргать,
То вся Трояньская станыця
Взялася мертвыхъ зволикать.
Эней зъ Трахономъ розыйнжжае,
Къ трудамъ дружину понуждае,
Кладуть изъ мертвыхъ тиль костры!
Соломой ихъ обволикають,
Олію зъ дьогтемъ поливають
На всякій зрубъ, разивъ по тры.

Потимъ солому підпалылы
И пламя трупы обняло,
И вичну пам'ять заквымылы,
Ажъ сумно слухаты було.
Тутъ кость и плоть, и жырь шкварчалы,
Тутъ ынчи смалець источалы,
У ынчихъ репався живить;
Смрадъ, чадъ и дымъ кругомъ носылысь,
Жерци найбилше тутъ трудылысь,
Пзконебе хаптурный ридь.

Другы, товарищи и кривни,
Батькы, сыны, кумы, сваты,
На вику вични незабвени,
А може хто изъ суеты,
Въ огонь шпурлямы ризну збору,
Одежу, обувъ дорожую,
Шабли, лядункы, келепы,
Шанкы, свѣткы, кульбаки, трокы,
Онучи, постолы, волѣкы
Шпурмялысь, якъ на тикъ снопы.

Не тилько въ поли такъ робылось,
Въ Лавренти сумно тожъ було;
Багацько трупа тамъ палылось,
Поспультвожъ на-чимъ-свить ревлю.
Тамъ батько сына парубѣйку
Опмаковавъ и клявъ злодѣйку
Вѣйну и ветхого царя;
Тутъ дивка вельмы убывалась,
Що безъ винця вдовой осталась,
Утратившы багатыря.

Жинкы, пороспускавши косы,
 Росхристани и безъ свытокъ,
 Рострьопани, простоволосы
 Галасовалы на весь ротъ.
 По мертвыхъ жалибно крычали,
 По грудяхъ былыся, стогналы,
 Латыниѣ проклиналы рядъ;
 Про Турнажъ вси крычали сміло,
 Що за свое любовне діло,
 Погубить даромъ весь народъ.

Дрансесъ на Турна тугъ доноситьъ,
 Що Турнъ всѣмъ гибелямъ выча;
 Эней на бой його лишь просить,
 И такъ бы й кончылась війна.
 Но и у Турна бувъ сутяга,
 Брехунъ, юриста, крюкъ, пидтяга,
 И діло Турна захищавъ;
 Та и Аматыни пролазы
 Пускалы розные розказы,
 Щобъ Турнъ ни въ чимъ не уважавъ.

Якъ-ось одъ хана Діомыда
Латыновы прыйшли послы
И, изъ охлявшого ихъ выда,
Не видно, радистъ щобъ несмы.
Латынъ вельможамъ зъ старшыною
Вельитъ явитысь предъ собою,
Що все и сталося якъ разъ;
Посливъ клыкнумы до громады
И выполнывшы вси обряды,
Латынъ прорекъ такый прыказъ:

«Скажы Венуле не жахливый
«Всю хана Діомыда ричъ,
«Здається бувъ ты не брехливый,
«Такымъ тебе зна наша Сичъ. —»
«Пиднижокъ твій я и пидданецъ,
«Изъ слугъ твоихъ послідній ланецъ,
Сказавъ Венуль,» не погнивысь!
(«Мужыча правда есть колюча,
«А панська на вси боки гнуча,
«И ханъ сказавъ такъ, не сумнысь:

«Не зъ мордою Латына бытысь
«Протывъ Трояньскихъ розбышакъ;
«Вамъ требабъ перше прыдывытысь,
«Якый-то есть Эней козакъ.
«Пидъ Троею винъ дався знаты
«Намъ всимъ, якъ взявся ратоваты
«Богивъ домашнихъ и ридню.
«Винъ батька спасъ въ злу саму пору,
«На плечихъ знисъ на Иду гору,
«Сього не майте за бридню.

«Протывъ Энея не храбруйте,
«Для насъ здається винъ святымъ;
«И такъ Латыну ростолкуйте,
«Щобъ лучше помырився зъ нымъ.
«Гай! гай! де диты есть такіи,
«Щобъ кудри батьковы сидишъ,
«Найвыще ставымы всего?
«Не ворогъ я царю Латыну;
«Но чту Анхызову дѣтину
«И не иду протывъ його.

«Пронцайте домини Латынці!

«Поклонѣ мій вашому царю;

«Возьмѣть назадъ свои гостынці,

«Одправте ихъ къ багатырю

«Энею и просить покою.»

Венуль утерся тутъ рукою

И ричи сій зробивъ кинецъ.

Збентежыла ся ричъ Латына,

Здавалось близька зла година;

На лысыни трусывсь винецъ.

Латынь одъ думкы схаменувся,

Олимпськымъ трохы помолывсь;

Наморщывсь, сентябрьомъ надувся

И смутно на вельможъ дывывсь.

«А що? сказавъ, чи пожывылысь?

«Отъ зъ Діомыдомъ вы носылысь,

«А винъ вамъ фыгу показавъ;

«Заздалегидь булю змовлятысь,

«Якъ съ панъ Энеемъ управлятысь,

«Поки лапокъ не рознкававъ.

«Теперь не приберу билшь глузду,
«Якъ тутъ сыхъ поселить прочанъ;
«Земли шматокъ есть не пиднужку,
«То имъ зъ угодыаы отдамъ.
«Отдамъ нывья и синокосы,
«И рыболовни Тыбрськи косы,
«То буде намъ Эней сусидъ;
«Кольижъ не схоче винъ остаться,
«А пустытся ище таскаться,
«То всежъ избавымся одъ бидь.

«А щобъ зъ Энеемъ ладъ зробыты,
«Пошлаю посливъ десяткивъ пять;
«И мушу дары одрадыты,
«Дыковынкы колыбъ достать:
«Павыдла, сала, осятрыны,
«Шалевый поясъ и люстрыны,
«Щобъ къ празвыку пошывъ каптанъ,
«Сапьянци изъ *Торжка* новеньки,
«Мальованыи потыбеньки.
«А нуте! якъ здается вамъ?»

Дрансесь бувъ дывный говоруха,
И Турнови бувъ врагъ лыхый,
Встае, усь гладыть, въ носи чуха,
Дае отвить царю такый:
«Латыне свитлый, знаменытый,
«Твоимы медъ устами пыты!
«Всякъ тягне въ серци за тебе;
«Но одизватыся не сміють,
«Сыдять, мовчать, сопуть, попіють
«И всякъ мизкуе про себе.

«Нехай же та лычына люта,
«Що насъ впровадыла въ войну
«И ганьбою до всехъ надута,
«Походять билшъ на сатану!
«Що стільки боли прычыныла,
«Що стільки люду погубыла,
«А въ смутный часъ на втикача!
«Нехай лишь Турнь, що верховодить
«И всехъ панивъ за кырны водить,
«Зъ Энеемъ поривня плечя.

«Нехай оставить насъ въ свободѣ,
«Нехай царивни дать покой;
«Нехай живе въ свойъ господѣ,
«А щобъ въ Латию ни погой.
«А ты Латыне, всихъ благійшій,
«Прыбавъ Энею даръ смачнійшій:
«Йому Лавынію отдай.
«Сымъ сватовствомъ намъ мыръ даруешь
«И царства раны уратуешь;
«Дочцижъ зъ Энеемъ буде рай.

«Тебежъ прошу я пане Турне!
«Покынь къ Лавыніи любовь
«И проясны чоло нахмурне,
«Щады Латынську нашу кровь.
«Эней тебе лишь вызывае,
«А насъ Латынцевъ не займае,
«Иды зъ Троянцемъ потягайсь!
«Жолы ты храбрый не словами,
«Такъ докажи намъ те диламы,
«Побыть Энея постарайсь.»

Одъ ричи сей Турнъ розъярився,
Якъ втопленныкъ посынивъ весь;
Дрыжалы губы, самъ дровичься,
Зубамы клацавъ, мовъ бы песь,
Сказавъ: «О стара пустомеля!
«Яхыдствъ и каверзъ всихъ оселя,
«И ты тхоромъ мене зовешъ!
«И небыльщи вымышляешъ,
«Народъ лукаво весь лякаешъ,
«На менежъ чортъ зна що плетешъ,

«Що буцимъ хочу я одтяты
«Головку лысую твою;
«Та згынь! — не хочу покаляты
«Честь багатырськую свою.
«А ты Латыне мылостывый,
«Жолы такый ставъ полохливый,
«Що и за царствомъ байдуже?
«Такъ лизьте жъ до Энея ракомъ,
«Плазуйте передъ сымъ Троякомъ,
«Винъ мыръ вамъ славный устрыже.

«Колыжъ до мыра я помиха,
«Колы Эней мене бажа
«И смерть моя вамъ есть потиха;
«Моя душа не есть чужа;
«Одъ храбросты и одъ надїи,
«Иду де ждуть мене злодїи,
«Иду и бьюся зъ втикачемъ!
«Нехай хоть стане винъ *Бовою*,
«Не наляка мене собою,
«Помиряюсь зъ його плечемъ.»

Колы въ конгресси такъ тягались,
Эней къ Лавренту підступавъ;
На штурмъ Троянцы шыковались,
До бою всякій ажъ дрыжавъ.
Латынь таку почувъ новынку,
Злякавсь, пустывъ изъ рота слынку
И вся здрыгнула старшына.
«Отъ вамъ и мырѣ» сказавъ Турнъ лютий.
И не терявши ни минути,
Предъ вїйськомъ опынївсь якъ на!

Опять наставъ гармидерь, лыхо;
Народъ якъ червь заворушивсь.
То вси крычать, то шепчуть тихо,
Хто лаявся, а хто моливсь.
Опять вѣйна и ризаныа,
Опять беда гѣе въ сукъ Латына,
Сердешный каявсь одъ души,
Що тестемъ не зробывсь Энею,
И посибъ зъ мырною душею,
Лыгавъ потапци и кнѣпци.

Тураъ мытыю нарядывся въ збрую,
Летыгъ, щобъ потрошыть Троянъ;
И розъяривъ дружину злую,
Побыть Энеевыхъ прочанъ.
Прыскочывъ перше до Камымы,
Якъ огиръ добрый до кобымы,
И стагъ йий заразъ толковать:
Куды йий зъ вѣйськомъ напираты;
Мессапъ же мусить пидкрепляты
Царыци сей прокляту рать.

Роспорядившы Турнъ якъ треба,
Махнувъ, засаду щобъ зробить,
На гору, що торкалась неба
И щобъ Фрыгійщивъ окружить.
Эней построивъ тожъ отряды,
Де всимъ назначивъ для осады
Безъ одступу на валь итты.
Идутъ зимкнувшысь мицно, тисно,
Идутъ, щобъ побидить поспинно,
Або щобъ трупомъ полягты.

Троянцы сильно наступали
И тыснули своихъ врагивъ,
Не разъ Латынщивъ проганялы
До самыхъ городськихъ валивъ.
Латынцы также оправлялись
И одъ Троянщивъ одбывались,
Одынъ другого товкъ на прахъ;
Тутъ ихъ чыновныкы тузылись,
Якъ шивни за гребни возылись;
Товклись кулаччамъ по зубахъ.

Но якъ Арунть убывъ Камышу,
Тогда Латынцевъ жахъ напавъ;
Утратымы и духъ, и силу,
Побиглы хто куды понавъ.
Троянцы зъ биглымы эмишались,
Надъ ихъ плечами забавлялись
И задавали всимъ столыхъ.
Ворота въ баштахъ зашпиралы,
Своихъ ховатысь не пускалы,
Бо напустылыобъ и чужыхъ.

Якъ висть така прыйшла до Турна,
То такъ мерзено изкрывывсь,
Що тварь зробылась печепурна
И косо, зашморгомъ дывывсь.
Потимъ яруе одъ досады,
Выводить вѣйсько изъ засады
И гору покида, и лисъ;
И тилько-що спустывсь въ долину,
То въ туюжъ самую годину
Уздривъ Энеевыхъ гульвись.

Пизнавъ панъ Турнъ пана Энея,
А Турна тожъ Эней пизнавъ;
Вспалалы духомъ Асмодея,
Одынъ другогобъ розидравъ;
Не обійшлося бѣ тутъ безъ бою,
Колыбъ панъ Фебъ, одъ перепною,
Заранше въ воду не зализъ
И не пославъ на землю ночи;
Тутъ всихъ до сна стумлысь очи
И всякъ укладся горлоризъ.

Турнъ облызня въ бою піймавшы,
Зубамы зсерця скрыготавъ;
Одъ дуру що робыть не знавшы,
Латыну зъ злостью сказавъ:
«Нехай злыденные прочаны,
«Задрыпанци твои Трояны,
«Нехай своихъ держатся словъ!
«Иду зъ Энеемъ поштурхаться,
«Въ моихъ проступкахъ оправдаться:
«Убыть — и околить готовъ.

«Пошлю Энея до Плутона,
«Або и самъ въ адъ копырсну;
«Уже мии жызнъ и такъ солона!
«Отдай Энею нависну..... (*)
«Гай, гай! Латынъ тутъ обизвався:
«Чого ты такъ розлютовався?
«Щожъ буде, якъ розсержусь я?
«Уже минн брехаты стыдно;
«А потанть—богамъ обыдно;
«Святая правда дорога!

«Послухай же судьбы есть воля,
«Щобъ я дочки не отдававъ
«За земляка, а то зла доля
«Насяде, хто злама уставъ.
«Мене Амата ублагала
«И такъ боки натасовала,
«Що я Энею одказавъ.
«Теперь самъ мусишь мирковаты,
«Чи треба жыть, чи умираты;
«А лучше, якъ бы въ умъ ты взявъ

(*) Нависна, дѣвка, которую многимъ женихамъ навязываютъ.

«И занедбавъ мою Лависю;
«Чи трохи въ свити панночокъ?
«Ну взявъ бы *Муньку*, або *Присю*,
«Шатнувся то въ сей, то въ той кутокъ:
«Въ *Ивашки*, *Мыльци*, *Пушкарикву*,
«И въ *Будыща*, и въ *Горбанивку*, (*)
«Теперь дивчать хотъ гать гаты;
«Теперь на сей товаръ не скудно
«И замужню украсть не трудно,
«Абы по порову найты.»

На слово се прийшла *Амата*
И заразъ въ *Турна* и впиьлась;
Лобзала въ губы стратылата
И одъ плачу надъ нымъ тряслась.
«Въ напастъ, сказала, не вдавайся,
«И бытыся не поспишайся,
«Якъ луснешь ты, то згыну я;
«Безъ тебе насъ богы покынуть,
«Латынци и Рутульци згынуть
«И пропаде дочка моя.»

(*) Селенія въ окрѣжности Полтавы.

Но Турнѣ на се не уважае
И байдуже ни слѣозъ, ни словъ;
Гинця къ Энею посилае,
Щобъ бытысь завтра бувъ готовъ.
Эней и самъ трусывсь до бою,
Щобъ сыльною своею рукою
Головку Турну одчесать.
А щобъ повирѣть Турна слову,
Тожъ посля зрѣбѣть умову,
Якъ завтра выставлять рать.

На завтра тилько-що свитало,
Уже народъ заворушывсь;
Все вешталося, все кышало,
На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мижовщыкы тамъ розмирялы,
Килочкы въ землю забывалы,
На знакъ де вѣйськови стоять.
Жреци молитвы зачиталы,
Олимпськымъ въ жертву убывалы
Цапигъ, баранивъ, поросять.

Тутъ вѣйсько стройнымы рядами
Въ паради йшло, мовъ бы на бой;
Въ празничній збруи зъ прапирамы,
Всякъ ратныкъ чванывся собой.
Обыдвѣ арміи стоялы
На тыхъ межахъ, що показалы;
Мижъ нѣмы бувъ просторый плецъ;
Народъ за вѣйськомъ копошывся,
Всякъ товпывся, всякъ лизъ, тисывся,
Побоищу щобъ зрѣть кинецъ.

Юнона, якъ богыня, знала,
Що Турну прыйдеться пропасть,
Ище въ мизку коверзовала,
Щобъ одвернуть таку напасть;
Клыкнула мавку водъ Ютурну,
(Бо ся була сестрыця Турну,) —
И розказала їй свѣй страхъ;
Велила швидче умудрыться,
На всяки хытросты пустыться,
Щобъ брата не строуцѣлы впрахъ.

Якъ такъ на небѣ двѣ хытрымы,
Тутъ лагодымысь двѣ на бой;
Вси за своего богивъ моьмы,
Щобъ власною своею рукою,
Измигъ врага въ яешню змѣяти.
Рутульци жъ стали розмышляты,
Що Турнѣ ихъ може скыксовать;
Уже задалегидь смутывся,
Ище ни чого, а скрывывся,
Не лучшебъ бой сей перервать.

На сей то часъ Ютурна мавка
Въ Рутульскій подосшла строй;
И тамъ вертилася якъ шавка
И всихъ скуйовдыла собой.
Камерта выдъ на себе взявши,
Тутъ всихъ учыла, толковавши,
Що соромъ Турна выдавать;
Стыдъ всимъ стоять згорнувшы руки,
Якъ згыне Турнѣ, тершиты мукы,
Дать шыи въ кандалы ковать.

Все вѣйсько сумно мурмотало,
Сперва тихенько, посли вѣ гласъ,
Гукнулы разомъ, все пропало!
Щобъ розмиръ перервать вѣ той часъ.
Ютурна фыгли имъ робыла,
Шпакамы кибця затровыла
И заецъ вовка покусавъ.
Такіи чуда не бували
Лаврентци вѣ добре толковали,
Тулумній кѣ бытви пидтрунявъ.

И першый стрелывъ на Троянщивъ,
Гильишенка на смерть убывъ;
А сей бувъ родомъ изъ Аркадщивъ,
То землякивъ на гнивъ пидвивъ.
Оттакъ, опятьъ зирвали сичу!
Бижать одинъ другому вѣ стричу,
Хто зъ шаблею, хто зъ палашемъ;
Крычать, стріляють, быють, рубають,
Лежать, втикають, доганяють;
Все вмигъ зробылось кулишемъ.

Эней правдивый чоловьяга,
Побачившы такый не ладъ,
Що вража зрадившы ватага
Послать Фрыгійщивъ, дума, въ адъ.
Крычить: « чи вы осатанилы?
«Адже мы розмиръ утвердылы!
«Мы зъ Турномъ побьемось одни.»
Но видкиль стрілка не взялася
И спотыньга въ стегно впьялася,
И кровъ забрызкала штаны.

Эней одъ раны шкандыбае,
Въ крови, изъ строю въ свій наметъ;
Його Асканій проважае,
Лыбонь п пидъ руку ведетъ.
Уздривъ се Турнь возвеселився,
Роспындывся и розхрабрывся,
И на Троянщивъ полетивъ:
То бѣе, то пха, або рубаетъ,
Изъ трушивъ бурты насыпае,
Хоть бы варить на сто котливъ.

И першыхъ Фила, Тамарыса,
На землю махомъ повалявъ;
Потимъ Хлорея, Себарыса,
Мовъ бы комашокъ потоптавъ;
Дарету, Главку, Оерсилогу,
Поранывъ руки, шью, ногу;
На викъ каликамы зробывъ.
Побывъ багацько Турнъ заклятый,
Не трохи потоптавъ зыкратый,
Въ крови такъ, мовъ въ багнии бродывъ.

Коробылась душа Энея,
Що Турнъ Троянщывъ такъ локшывъ;
Стогнавъ жалчише Прометея,
Бо бувъ одъ раны еле живъ.
Япыдъ цыморыкъ лазаретный,
Бувъ знахуръ въ порошкахъ нешпетный,
Личить Энея пристунавъ:
По локти руки засукае,
За поясъ помы затыкае,
Очкамы кырпу осидлавъ.

И заразь прыступывшы къ дилу,
Винъ шпеныкъ въ рани розглядавъ;
Прыкладовавъ прыпаркы къ тилу
И шыломъ въ рани колупавъ.
И шевську смолу прыкладае,
Но все те трохи помагае;
Япыдъ сердешный чуетъ жаль!
Обценькамы пытавсь, клищамы,
Крючкамы, щипщамы, зубамы,
Щобъ вырвать проклятушу сталь.

Венеры сердце засвербило
Одъ жало, що Эней стогнавъ;
Пидтыкавшись, — а ну за дило;
И Купыдончыкъ не гулявъ.
Шатнулысь, разныхъ травъ нарвалы,
Сцилющои воды примчалы,
Гарлемпськихъ капель пиддалы,
И все те вкупѣ сколотывшы,
Якись слова наговорывшы,
Энею рану полымы.

Таке лікарство чудотворне
Боль раны заразь уняло,
И стрилкы копійце упорне
Безъ праці вынятысь дало.
Эней нашъ знова ободрывся,
Пальонкы кубкомъ підкрепывся,
Въ пайматчыну одигся бронь.
Летыть опяты врагивъ локшыты,
Летыть Троянщивъ ободрыты,
Роздуть въ нихъ храбросты огонь.

За нимъ Фрыгійськи воеводы,
Що тьху, на взаводы летять;
А вїйсько—въ лотокахъ якъ воды
Ревуть, все дномъ на верхъ вертять.
Эней лежачыхъ не займае,
Утикачивъ ни за-що мае,
А Турна повстрічатъ бажа.
Хытрыть лукавая Ютурна,
Якымъ бы побытомъ йій Турна
Спасы одъ смертного ножа.

На хытросты дивчата здатни,
Колы ихъ сердце зашчымыть;
И въ ремесли симъ такъ понятни,
Самъ бисъ ихъ не перемудрыть.
Ютурна зъ облака зметла,
Зибхнула братня машталира
И стала коней поганяць;
Бо Турнъ гаявъ тогди на вози,
Зыкратый же лежавъ въ обози,
Не въ сымахъ бигать, ни стоять.

Ютурна киньмы управляя,
Шаталась зъ Турномъ мижъ полкивъ;
Якъ одъ хортивъ лыса вылая,
Спасала Турна одъ врагивъ.
То зъ нымъ напередъ выйишжала,
То вмыгъ въ другый кивецъ скакала,
Но не туда де бувъ Эней.
Сей бачыць хытрость тутъ непевку,
Трусльвость Турнову никчемку,
Напьявсь въ погонь зо всихъ гужей.

Пустывсь Эней слидыты Турна
И дума зъ ока не спустыть;
Но мавка хытрая Ютурна
И тутъ найшлася кую змыть.
Къ томужь Мессапъ, забигшы зъ боку
Зрадливо, зо всего наскоку,
Пустывъ въ Энея каминець;
Но сей, по счастью, ухмылся
И каминцемъ не повредывся,
Зъ султанажъ тилько збывсь кинецъ.

Эней таку уздрившы зраду,
Велькымъ гнивомъ розспальвсь;
Гукнувъ на всю свою громаду
И тихо Зевсу помолывсь.
Всю рать свою впередъ подвынувъ
И разомъ на врагивъ нахлынувъ,
Веливъ всіхъ сикты та рубать.
Пишлы Латынцевъ потрошыты;
Рутульцевъ шпыговать, крышыты,
Та-ба! якъ Турна бъ намъ достать.

Теперь безъ сорама признаюсь,
Що трудно бытву описать;
И якъ ни морщусь, ни стараюсь,
Щобъ гладко вирши шкандовать,
Та бачу по моему выду,
Що скомпоную панахыду.
Зроблю лыщъ роспысь именамъ
Убытыхъ воннивь на поли
И згынувшихъ тутъ по неволи,
Для прымхы, ихъ князькивь, душамъ.

На сей батальи пропалы
Цетагъ, Танаисъ и Толонъ;
Одъ рукъ Энеевыхъ лежалы
Поризани: Онытъ, Сукронъ. —
Троянцывъ Гилла и Амика
Зипхнула въ пекло Турна шика...
Та де всихъ поименно знать?
Тамъ ворогы вси такъ смишались,
Стиснылись, що уже кусались,
Рукамыжъ нильзя и махать.

Якъ-ось и сердобольна маты
Энею хукнула въ кабакъ,
Веливъ щобъ штурмомъ городъ браты,
Рутульскихъ перебыть собакъ.
Столычный же Лаврентъ достаты,
Латыну зъ Турномъ перцю даты;
Бо царь въ будынкахъ ни гугу.
Эней на старшихъ галасе,
Мерцій до себе ихъ сзывае
И мовить, ставшы на бугру:

«Моеи мовы не жахайтесь;
«(Бо нею управля Зевесь.)
«И заразъ зъ вѣйскомъ одправляйтесь
«Братъ городъ, де паршывый песъ
«Латынъ зрадывый пье сывуху,
«А мы бьемось зо всего духу.
«Идить, палить, рубайте всихъ;
«Громадська ратушь, зборни избы,
«Щобъ напередъ всего изслызы,
«Амату жъ завьяжите въ михъ.»

Сказавъ , и вѣйсько загремлю ,
Якъ громомъ , разнымъ орижжамъ ;
Построилось и полетило
Простесенько къ градськимъ стинамъ .
Огни черезъ стину шпурлялы ,
До стинъ драбыны приставлялы
И хмары напустылы стрилъ .
Эней на городъ руки знявшы ,
Латына въ зради укорявшы ,
Крычыть :» Латынъ вина злыхъ дилъ .»

Якые въ городи остамысь ,
Злякамысь одъ такой биды
И головы ихъ збунтовалысь ,
Не знамы уतिकать куды .
Одни трясмысь , други потылы ,
Ворота одчынять хотылы ,
Щобъ въ городъ напустыть Троянъ .
Други Латына вызывалы ,
На валъ полизты прынуждалы ,
Щобъ самъ спасавъ своихъ мырянъ .

Амата глянувши въ виконце,
Узрила въ городи пожаръ;
Одъ дыму, стрилъ, затмылось сонце;
Напавъ Амату сыльный жаръ.
Не бачившыжъ Рутульцивъ, Турна,
Вся кровъ скипилася зашкурна
И вмыгъ царицю одуръ взявъ.
Здалося йій, що Турнъ убытый,
Черезъ неи стыдомъ покрытый,
На вискъ зъ Рутульцями пропавъ.

Йій жызнь зробылася не мыла
И осуружывся весь свить.
Себе, Олимпськихъ кобеньма;
И выдно изо всехъ прымить,
Що глуздъ остатній потеряла;
Бо царськее обрання рвала
И въ самій смутній сій пори,
Очкуръ вкругъ шыи обкрутившы,
Кинець за жертку зачепышы,
Повисылась на очкури.

Аматы смерть ся бусурманська,
Якъ до Лавыніи дойшла,
То крыкнула «увь!» спысьменська,
По хати гедзатысь пишла.
Одежу всю цвитну порвала,
А чорну къ цери прыбпала,
Мовъ галка нарядылась вмахъ;
Въ маленьке зеркалце дывылась,
Крывытысь жалибно учылась
И мыло хлыпаты въ слюзахъ.

Такая розимчалась чутка
Въ народи, въ городи, въ полкахъ.
Латынь же, якъ старый плохутка,
Устоявъ ледве на ногахъ.
Теперь винъ берега пустывся
И такъ злыденно искрывывся,
Що ставъ похожымъ на верзунъ.
Аматы смерть всихъ спомошyla,
Въ тугу, въ печаль всихъ утопыла,
Одъ неи звомпывъ самъ панъ Турнь.

Якъ тилько Турнъ освидомывся,
Що давъ цырыци смертъ очкуръ,
То такъ на всихъ остервенывся,
Пидстреленый мовъ дыкый кнуръ.
Бижыть, крычыть, маха руками
И гризнымы вельить словами,
Латынцямъ и Рутумцямъ бой
Зъ Энеевцямъ перерваты.
Якъ разъ протывни супостаты,
Утыхомырясь, стали въ строй.

Эней одъ радости нестямывсь,
Що Турнъ выходить бытысь зъ нымъ;
Оскамывъ зубъ, на всихъ оглянувсь
И спысомъ помахавъ своимъ.
Прямый, якъ сосна, вельчавый,
Бувалый, здатный, тертый, жавый,
Такый, якъ бувъ Нечеса князь;
На нього вси банькы пъялымы,
И самы ворогы хвалымы,
Його любывъ всякъ, — не боявсь.

Якъ тилько выступылы къ бою
Завзята пара ватажкывъ,
То, зглянувшыся мижъ собою,
Зубамы всякій заскрыпывъ.
Тутъ хвысь! шабелькы засвыстили,
Цокъ, цокъ! — и искры полетили;
Одынъ другого полосать!
Турнъ першій зацидывъ Энея,
Що съ плечъ упала и керей,
Эней бувъ поточывсь назадъ.

И вмыгъ прочумавшысь, зъ наскокомъ
Эней на Турна напустывъ,
Отдячывшы йому сто-зъ-окомъ
И вражу шаблю перебивъ.
Якымъ же побытомъ спастыся?
Трохы не лучше уплестыся?
Безъ шабли нильзя воювать.
Такъ Турнъ зробывъ безъ дальней думкы,
Якъ кажутъ, пидобравшы клункы,
А ну! чимъ тьху навтики драть.

Бижыть пань Турнѣ и репетуе,
И просыть у своихъ мечъ;
Ни хто сердегы не ратуе
Одъ рукъ Трояньска сымача!
Якъ-ось ище перерядылась
Сестрыця и предъ нымъ явылась,
И въ руку сунула палашъ:
Опять шабелькы заблыщали,
Опять панцыри забряжчали,
Опять пань Турнѣ оправывсь нашъ.

Тутъ Зевсъ не втернивъ, обизвався,
Юнони зъ гнивомъ такъ сказавъ:
«Чи умъ одъ тебе одцурався?
«Чи хочешъ, щобъ тоби я давъ
«По пани-старій блыскавки?
«Бида зъ злостливымы бабамы!
«Ужежъ вистымо всимъ богамъ:
«Эней въ Олимпіи буде зъ нами
«Жывытысь тымыжъ пирогами,
«Яки кажу цекты я вамъ.

«Безсмертного жъ хто ма убыты?
«Або хто може рану дать?
«Про щожъ мазку мырянську лыты?
«За Турна щиро такъ стоять?
«Ютурна на одну проказу,
«И певне по твому прыказу,
«Палашъ Рутульцю пиддала.
«И покижъ будешъ ты бисыться?
«На Трою и Троянщивъ злыться?
«Ты зла имъ вдоволь задала.»

Юнона въ первый разъ смырылась,
Безъ крыку къ Зевсу ричъ вела:
«Просты паноче! проступылась,
«Я, дале-би, дурна була;
«Нехай Эней сидла Рутульця,
«Нехай спыха Латына зъ стульця,
«Нехай поселить тутъ свій ридь.
«Но тилько, щобъ Латынське племья
«Удёржало на вичне время
«Имення, мову, виру, выдь.» —

«Иносы! силькись!» якъ мовляла,
Юнони Юпитерь сказавъ.
Богыня зрадищъ танцювала,
А Зевсъ *Метельцю* свыставъ.
И все на шалькахъ розважали,
Ютурну въ воду одисламы,
Щобъ зъ братомъ Турномъ розлучить;
Бо книжка Зевсова зъ судьбами,
Не смертныхъ пысана руками,
Такъ мусила установлять.

Эней махае довгымъ списомъ,
На Турна мицно наступа,
«Теперь, крычитьъ, пидбытый бисомъ,
«Тебе нихто не захова.
«Хоть якъ вертысь и одступайся,
«Хоть въ вищо хочъ перекидыся,
«Хоть зайчыкомъ, хоть вовкомъ стань,
«Хоть въ небо лизь, нырай хоть въ воду,
«Я вытягну тебе съ пидъ-споду.
«И розмизчу погану дрянъ.»

Одъ сей бундючкои Турнъ речи
Безпечно усыкъ закрутивъ,
И жжавъ свои широки плечи,
Энею глуздивно сказавъ:
«Я ставлю ричь твою въ дурныцю;
«Ты въ руку не піймавъ сыныцю,
«Не тебе, дале-бигъ, боюсь.
«Олимпьски намы управляютъ,
«Воны на мене налагають,
«Предъ нымы тилько я смърюсь.

Сказавшы круто повернувся
И камень пудивъ въ пять пиднявъ;
Хоть зъ пращи трохи и надувся;
Бо бачъ, не тымъ винъ Турномъ ставъ.
Не та була въ нимъ жжавость, сыла,
Йому Юнона изминьла;
Безъ богинъ жъ людська мочь пустякъ.
Йому и камень изминяе,
Энея геть не долитае,
И Турна взявъ великій страхъ.

Въ такую щастливую годину
Эней чимъ-дужь спысь розмахавъ
И Турну, гадовому сыну,
На вичный помынокъ пославъ;
Гуде, свыстыть, несется пика,
Якъ зверху за курчамъ шульпика,
Торохъ! Рутульця въ ливый бикъ;
Простягся Турнь, якъ щогла, доли,
Качается одъ гирькой боли,
Клене Олимпьскыхъ еретыкъ.

Латынцы одъ сього жажнулысь,
Рутульцы галась пиднялы,
Троянцы глумно осьмихнулысь,
Въ Олимпьжъ могорычъ пылы.
Турнь тяжку боль одоливає,
Къ Энею руки протягае
И мову слезную рече:
«Не жызны хочу я подарка;
«Твоя, Анхызовычъ, прышарка
«За Стыкъ мене поволоче.

«Но есть у мене батько ридный,
«Старый и дуже ветхыхъ сынъ;
«Безъ мене винъ хоть буде бидный,
«Та свить минн сей ставъ не мыль;
«Тебе о тимъ я умоляю,
«Прошу, якъ козака, благаю,
«Колы минн смерть задасы,
«Отправъ до батька трупъ дубленый;
«Ты будешъ за сіе спасенный,
«На выкупъ же, що хочъ, просы.

Эней одъ речи сей смягчывся
И мечъ пиднятый опуствивъ;
Трохы, трохы не прослезывся
И Турна рясть топтать пуствивъ.
Ажъ зыркъ—Паллантова лядунка
И золота на ній карунка,
У Турна высить на плечи.
Эней очи запалалы,
Уста одъ гнива задрожалы,
Ввесь зашарывсь мовъ жаръ въ печи.

И вмигъ вхопившы за чупрыну
Шкереберть Турна повернувъ,
Насивъ колиномъ злу лычыну
И басомъ громовымъ гукнувъ:
«Такъ ты Троянцямъ намъ для смиха
«Глумышь съ Палмантова доспиха
«И думку маешъ быть живымъ?
«Палмантъ тебе тутъ убывае,
«Тебе винъ въ пекли дожыдае,
«Иды къ чортамъ, дядькамъ своимъ.

Съ сымъ словомъ мечъ свій устрояе
Въ роззявленный Рутульця ротъ
И трычи въ рани повертае,
Щобъ билше не було хлопоть.
Душа Рутульска полетела
До пекла, хотъ и нехотила,
Къ пану Плутону на бенькетъ.
Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А билшь, колы и совистъ жметъ.
КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.